

Однажды в России и в Америке

09-26.06.2021

Биробиджанер Штерн

История

Счастливые родители с только что рожденной Аллой в Биробиджане

Во время работы над серией очерков по истории судебной системы Еврейской автономной области автору этих строк нередко приходилось консультироваться с Давидом Перловым, сыном первого председателя суда Еврейской автономной области Ильи Перлова (о нем «БШ» уже писала).

С 1998 года Давид живет в США, в пригороде Бостона, и готовит книгу воспоминаний о своих предках, в том числе о знаменитом отце. Он родился в 1937 году в Ленинграде, два года прожил с родителями в Биробиджане. Потом семья Перловых уехала в Москву. Тридцать лет Давид отработал в известном конструкторском бюро под руководством советского ученого А. Нудельмана. Стал руководителем подразделения в области разработки лазерной техники, защитил кандидатскую диссертацию, был удостоен Государственной премии СССР и звания Лучший изобретатель Министерства оборонной промышленности.

Давид – увлекательный рассказчик с необычным чувством юмора и тонким пониманием эпохи, в которую жили его родители и рос он сам. В монологе Перлова – судьбы родителей, ставших свидетелями Сталинского террора, некоторые подробности рассекреченной в настоящее время работы в КБ Нудельмана, причины эмиграции в США, жизнь современной еврейской общины на Брайтон-Бич в Нью-Йорке.

История рождения

— В Литве мама состояла в подпольной комсомольской организации и даже успела отсидеть полгода в тюрьме за распространение листовок в солдатской казарме. У нее за спиной была 9-летняя еврейская школа, что дало ей возможность после эмиграции в Советский Союз работать в Биробиджане сначала наборщицей в типографии, а затем – заведующей отделом виз и регистрации иностранцев в облисполкоме и управлении НКВД. Ее непосредственным начальником был старший лейтенант НКВД Александр Лавтаков.

К лету 1937 года мама была беременна мною. Сестре Алле к этому времени было 2,5 года. Приблизительно в августе 1937 года Лавтаков вызвал мать к себе в кабинет, спросил, когда и где она собирается рожать. Узнав, что родственники мужа живут в Ленинграде, сказал, что ей следует немедленно идти домой, собраться в дорогу. А за оставшиеся часы этого рабочего дня пообещал оформить отпуск и документы на получение железнодорожного билета до Ленинграда. Родители мгновенно все поняли, и мама уехала с Аллой на первом проходящем поезде. Этой же ночью Лавтаков в сопровождении патруля приходил в комнату родителей с ордером на обыск и арест мамы как иностранной шпионки. Он ничего не изъял и удалился. 20 октября Лавтаков был арестован. А в начале февраля 1938 года приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Мама уехала в поселок под Ленинградом, где была дача среднего брата отца Евсея. Он привозил маме продукты, помогал, чем мог. К осени поселок опустел, и с наступлением холодов мама поняла, что надо, несмотря на страх, перебраться в город. Никто ее не искал, и роды прошли благополучно.

Сейчас трудно сказать, что именно побудило Лавтакова принять участие в судьбе моей мамы. На этот вопрос ответа у меня нет и бесполезно придумывать версии.

О быте в Биробиджане

— Никогда не слышал от родителей жалоб на условия жизни в Биробиджане. Мама происходила из городской литовской бедноты, папа — из разоренной Гражданской войной бедноты Белоруссии. Основным чувством их детства был голод. Мне кажется, что в первые годы в Биробиджане их жизнь мало чем отличалась от прежней нищеты. Председателю областного суда была положена приличная зарплата. Но в эти годы судьи были ограничены в получаемых деньгах партийным максимумом. Если не ошибаюсь, зарплата отца равнялась 700 рублям, а партмаксимум — 400 рублям. Председатель суда без партбилета — дело немыслимое. К тому же по всей стране были введены карточки на основные продукты питания. Но папа никогда со мной эти вопросы не обсуждал. Бытовая сторона жизни его не интересовала.

От мамы я знаю, что в коридоре их барака (они жили на улице Постышева, в дальнейшем переименованной в улицу Ленина) стояла бочка с присоленной рыбой. Мужчины, проживающие по соседству, ходили на рыбалку и отдавали добычу в общественное пользование. В последующие, более благополучные годы, мама недолюбливала рыбные блюда, даже к красной икре испытывала отвращение. А папу представить на рыбалке или на охоте просто невозможно. Посидеть в мужской компании, выпить и поговорить на свободные темы — это не его стихия. Даже мама очень редко и без азарта вспоминала бытовую неустроенность.

Но одну историю отец рассказал явно в воспитательных целях. Зимой 1933 года в нашей семье, к горю родителей, сразу после родов умер первенец — мальчик. Надо было хоронить ребенка, но дальневосточный холод уже сковал землю. По какой-то причине могильщика найти было невозможно. У папы в кутузке сидел подследственный. На свой страх и риск он обратился к этому человеку за помощью. Вдвоем они отвезли гробик на кладбище, поочередно работая ломом и лопатой, вырыли могилку и похоронили мальчика...

В годы Большого террора

— Политический террор 1937–1938 годов привел к веренице переназначений и судебных приговоров в отношении руководителей Еврейской автономной области. В течение полутора лет трижды меняются председатели облисполкома: Иосиф Либерберг и Михаил

Каттель расстреляны, Мирон Геллер осужден на пятилетний срок. Развернуты репрессии и в отношении народных судей и работников правоохранительных органов. И тут руководство Хабаровского края предлагает моему отцу в порядке повышения злосчастную должность председателя облисполкома...

Уже спустя годы, будучи проездом в Биробиджане, он имел возможность ознакомиться с протоколами допросов арестантов 1937 года, из которых следовало, что Илья Давидович Перлов принимал участие в «массовом заговоре» по отторжению ЕАО от СССР и присоединению ее к марионеточному государству Маньчжоу-Го. Участие Перлова в «заговоре» было подкреплено обещанием ему должности министра юстиции вновь созданного государства. Таким образом, руководство НКВД, прекрасно зная о предстоящем продвижении папы по карьерной лестнице в органах советской администрации, уже тогда, наперед, выколачивало из арестованных измышления о заговоре против советской власти с участием Перлова. Судьба моего отца была предопределена...

Но в декабре 1937 года он поехал в Ленинград, чтобы привезти мою маму, недавно родившую меня, в Биробиджан. И заодно записался на прием к наркому юстиции Николаю Крыленко. Тот хорошо запомнил отца после его яркого выступления на Всесоюзном совещании судебных работников (см. выпуск «БШ» за 17 февраля 2021 г. – Т.Б.). Теперь же в его кабинете отец появился по личному вопросу. Он объяснил, что руководство Хабаровского края предлагает ему должность председателя облисполкома, и попросил наркома не отпускать его с работы в судебных органах. Причину своего решения отец объяснять не стал, но, возможно, Крыленко понял и без слов.

Нарком принял поистине спасительное решение: он предложил отцу вакантную должность начальника Главного управления судебных органов Наркомата юстиции — члена коллегии Наркомюста РСФСР.

В январе 1938 года Николая Крыленко арестовали и в июле расстреляли. Но бюрократическая машина продолжала работать исправно, и назначение отца состоялось. Так начался новый, 13-летний период работы Ильи Перлова в Москве, в системе наркомата юстиции РСФСР.

Террор, развернутый в СССР в эти годы, опалил души моих родителей, вселил в них страх, но не посягнул на их жизни и не исковеркал судьбы. Помните, знаменитую фразу в фильме «Пять вечеров»: «Лишь бы не было войны...».

О биробиджанских друзьях

- Самые дружественные отношения у моих родителей сложились с семьей Рабкиных. С Мироном (Меером) Израилевичем и Валентиной Михайловной жизнь свела родителей в 1932 году в Биробиджане.

Мирон Рабкин был прокурором Биробиджанского района. В 1934 году папа стал Председателем областного суда, а Рабкина перевели работать прокурором Зейского района Дальневосточного края. В 1937 году его возвращают работать в Биробиджан в качестве прокурора Еврейской автономной области на место репрессированного Макса Дорфмана. Уверен, что дружеские отношения помогли моему отцу и Рабкину выжить в это сложное время.

Папа рассказывал совершенно невероятную историю, случившуюся с Рабкиным при переводе из Зейского района в Биробиджан. Получив новое назначение, он понял, в какую западню попадает, и, не желая участвовать в работе «троек» НКВД, скрылся в тайге и несколько месяцев не появлялся на новом рабочем месте. Жил на охотничьей заимке у

своего приятеля. Сделал он это сгоряча, потом одумался и появился в Биробиджане в октябре 1937 года. Пришел в кабинет, сел в кресло, и никто ему никаких вопросов не задавал. В условиях той жизни, всеобщей подозрительности и доноительства эта история выглядит неправдоподобно. Но она очень соответствует характеру и темпераменту дяди Мирона. Сейчас кусаю себе локти, что не спросил обо всем самого Рабкина...

Работая прокурором в Биробиджане, он многократно обращался к руководству с просьбой о переводе в центральные районы страны — тетя Валя болела туберкулезом. В 1943 году он был, наконец, назначен прокурором Рязани. С этого момента наши семьи встречались регулярно в течение всей жизни. Два лета 1947 и 1948 годов наши семьи провели в совершенно очаровательном месте под Рязанью. На берегу старицы Оки, в роскошном сосновом лесу рядом с Солотчей находился детский туберкулезный санаторий.

В 1949 году началась антисемитская кампания. Дядя Мирон потерял работу. Но, похоже, рязанское партийное руководство хорошо относилось к Рабкину: он был назначен заместителем ректора Рязанского сельскохозяйственного института.

Семья его дочери жила и работала в Москве. Его внук окончил в Рязани медицинский институт, стал хирургом и работал в Боткинской больнице. После смерти супруги дядя Мирон перебрался жить в Москву. За несколько дней до моего отъезда в США я встретился с дядей Мироном. В 90 лет он выглядел прекрасно — был бодрым, журил за принятое решение об отъезде. Через несколько месяцев Рабкин ушел из жизни.

Перлов и Казакевич: вода и пламень, лед и камень...

- Возможно, что со стороны это и так. Но меня нисколько не удивляет дружба моих родителей с семьей Эммануила Генриховича и Галины Осиповны Казакевичей. Думаю, что моя мама, работая в Биробиджанской типографии, стала связующим звеном между отцом и группой интеллектуальной молодежи. Уже в Москве мама регулярно была на телефонной связи с Галиной Осиповной. Обсуждали они бытовые проблемы, воспитание детей. Две девочки Казакевичей были нашими с сестрой одногодками. Встречались у нас дома. После войны Казакевичи долгое время не имели своего жилья в Москве. Это потом Эммануил Генрихович был награжден Сталинскими премиями и получил большую квартиру в новом писательском доме.

Нам всегда кажется, что для дружеских отношений необходимы близость характеров и жизненных интересов. Ничего этого не было в данном случае. Казакевича всегда сопровождали душевные искания, наполняя его жизнь поэзией и театром на идише, а в более поздние годы — серьезной прозой на русском языке. Мой отец двигался по служебной и научной лестнице в области судопроизводства и уголовного процесса. Мне кажется, их сближали увлеченность идеями, истинное трудолюбие, честолюбие в хорошем понимании этого слова, умение собраться в нужный момент.

После войны наши семьи возобновили отношения. И, конечно, этому во многом способствовали воспоминания о совместной жизни в Биробиджане. Наши родители сохранили доверие друг к другу и могли быть откровенными в своих разговорах. Редкая возможность по тем временам.

«Моего дядю зовут Нудельман»

- После окончания школы папа впервые заговорил о том, почему мне не стоит двигаться в сторону юриспруденции. **«Ни судьей, ни прокурором ты в этой стране не будешь никогда. Пойдешь в юристы — всю жизнь просидишь консультантом на маленьком заводике»**. Он говорил тихо, без надрыва и пафоса, как давно продуманное и осознанное.

Отец предложил поступить в педагогический институт с физико-математическим факультетом, куда принимают студентов еврейской национальности.

Так я стал получать профессию физика. Оканчивал институт с красным дипломом, но куда пойти работать, не знал. На кафедре спектроскопии пытались заполучить для меня место в аспирантуре. Руководители лаборатории радиоэлектроники настойчиво рекомендовали мою кандидатуру своим заказчикам, работавшим в знаменитом КБ-1 Министерства радиоэлектроники СССР. Но безуспешно.

Институт дал направление на работу преподавателем физики в Хабаровском крае. Как сейчас помню абсолютно пустой вестибюль нашего факультета (все разъехались на летние каникулы). Навстречу идет преподавательница черчения и интересуется, что я делаю здесь в такое время. Я рассказал историю с трудоустройством. А в ответ услышал: *«Иди работать к моему дяде». — «А чем занимается твой дядя?» — спросил я. «Его зовут Александр Нудельман. Не бойся, тебе понравится».*

Так я попал на работу в конструкторское бюро точного машиностроения Министерства оборонной промышленности СССР. Начальником и главным конструктором этого КБ был дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук Александр Эммануилович Нудельман.

Об антисемитизме

- Для лучшего понимания той эпохи добавлю, что моя сестра мечтала только о филфаке МГУ. Но для евреев двери этого университета были на замке. Вся еврейская интеллигенция Москвы знала, что есть несколько институтов, в которые разрешалось принимать детей нашей национальности. Педагогический институт имени Ленина входил в их число. Алле предложили пройти конкурс на общих основаниях, но это было несправедливо, так как сестра окончила школу с золотой медалью. Очень помог первый заместитель министра просвещения РСФСР Александр Арсеньев, наш сосед по дому Совета министров РСФСР на Песчаной улице. Алла миновала общий конкурс и была зачислена. Какое это было счастье для нее! Она училась на одном курсе с Юрием Визбором, Адой Якушевой, Юлием Кимом, Юрием Ряшенцевым. Всех не перечислишь! Из пединститута пачками выходили будущие доктора наук, лауреаты премий различных категорий, поэты.

Приобщение к еврейской ментальности стало одним из главных факторов нашего с Аллой взросления. Мы с детства не стеснялись в любом коллективе обсуждать национальные проблемы, ощущая позитивно свое еврейство. А ведь это были времена, когда слово «еврей» произносить вслух было, по меньшей мере, неприлично, оно звучало как ругательство.

Семейство Ильи Перлова 1945 год. Москва

В конструкторском бюро Нудельмана: во имя войны и мира

- Рано утром 25 сентября 1959 года у проходной малоприметного дома без вывески я встретился с Роальдом Магидом. Это был первый мой ведущий инженер. По узким мало освещенным лестницам он привел меня в небольшую комнату и представил начальнику лаборатории Якову Грановскому. Услышав еврейскую фамилию, я немного насторожился, затем подумал, что это случайность. Однако прошло время, и я узнал, что Министерство оборонной промышленности СССР негласно разрешало принимать в КБточмаш сотрудников еврейского происхождения. Обойти антисемитские установки советского партийного руководства получилось благодаря успехам, достигнутым конструкторским бюро и лично Александром Нудельманом в разработке пушечного вооружения самолетов, которое велось с первых дней Великой Отечественной войны.

Именно в военные годы у Нудельмана сложились великолепные отношения с Дмитрием Устиновым, занимавшим в годы войны пост Наркома вооружения СССР, а в 1950–1960-е годы – уже пост Председателя Военно-промышленной Комиссии по военно-техническим вопросам Президиума Совета Министров СССР. Нудельман несколько раз получал выговоры по партийной линии за засорение КБ «еврейскими кадрами», но все это было частью большой игры.

Возникло КБ в 1934 году под руководством молодого талантливого инженера Якова Таубина. В 1935 году к работе в КБ он привлек Нудельмана, и с годами Александр Эммануилович стал его правой рукой. В 1940 году Таубин был арестован и в октябре 1941 года безвинно расстрелян. Вся ответственность за работу КБ была возложена на Нудельмана.

Распоряжением Сталина весь конструкторский и производственный задел, созданный под руководством Таубина, был ликвидирован. Но, несмотря на это, в декабре 1942 года была принята на вооружение пушка НС-37 (конструкторы Нудельман, Суранов). Ее устанавливали на четыре типа самолетов. За ней последовала НС-23, устанавливаемая на крыльях знаменитого штурмовика Ил-10. Самая мощная пушка в мире НС-45 была принята на вооружение в 1944 году и участвовала в боях завершающего этапа войны (в том числе в сражениях за Берлин) на самолете Як-9.

После войны разрабатывались пушки для установки на самолетах дальней бомбардировочной авиации. В 1947 году в КБ Туполева был создан бомбардировщик ТУ-4. Он был скопирован по личному распоряжению Сталина с американской «летающей крепости» Б-29, способной нести атомное оружие. Для обороны ТУ-4 использовалось 10 пушек НС-23.

Первое время ходить по коридорам КБ было волнительно. При встрече с очередным сотрудником понимал, что передо мной человек-легенда, соавтор Нудельмана: Суранов — по серии пушек НС, Неменов — по морским артиллерийским установкам НН, Рихтер — по серии пушек НР. Все они прошли через испытания Великой Отечественной войны, понимали меру личной ответственности за принимаемые решения под недремлющим оком Сталина и бесконечного количества его помощников, в том числе и в МГБ. Каждый их неверный шаг, каждый промах рассматривался как возможная диверсия.

Что бы конструкторы ни говорили вслух, перед их глазами стояла судьба Таубина. Те, кто оказывался в победителях, получали ордена и премии.

Многое ли эти награды меняли в их жизни? Вспоминаю смешной случай. Мой друг поехал в Харьков на танковый завод, сопровождая Арона Рихтера, заместителя Нудельмана по пушечному вооружению. Закончили они дела, пошли на вокзал, чтобы взять билеты на поезд в Москву. Билетов в кассе нет. Идут к начальнику вокзала, стучатся в окошко, просят помочь. В ответ — «Билетов нет!», и окошко закрывается. Рихтер берет дело в свои руки и протягивает начальнику вокзала книжечку-удостоверение лауреата Государственной премии СССР. Реакция простая — книжечка возвращается, окошко закрывается. Рихтер повторяет движение, но подает уже две книжечки лауреата Госпремии. Начальник вокзала хладнокровно возвращает обе назад. Тогда Рихтер передает в окошечко три удостоверения. Победа! Книжечки возвращаются с запиской на получение билетов. И смех и грех.

В конце 1950-х годов КБточмаш подключают к разработке высокоточного ракетного вооружения сухопутных войск. Создается комплекс с противотанковым управляемым снарядом, зенитный комплекс для стрельбы ракетой с головкой самонаведения по низколетящим целям. Наша оптическая лаборатория привлекается к разработке системы полуавтоматического наведения ПТУРС. Но опытные образцы проектируются с ручной системой наведения. Заказчик (Министерство обороны) требует автоматическую или, в худшем случае, полуавтоматическую систему наведения. А Нудельман верит, что ручная система сумеет обеспечить выполнение задачи. Руководство страны соглашается на его вариант.

Наша оптическая лаборатория становится ненужной. Настроение отвратительное — не вижу перспективы своей работы. Но подходит время, и разработанный нами макет полуавтоматической системы наведения ПТУРС изготовлен. Надо ехать на полигон для испытаний.

Условия жизни на полигоне не шикарные. Жилой корпус — большой сарай с одной комнатой человек на двадцать, все удобства на дворе, столовой нет — обед привозит полевая кухня. Бани нет — ездить надо в кузове грузовика за 30 км в соседний городок. Хорошо одно: домики командированных расположены на большой поляне посреди леса, рядом озеро. Летом и осенью благодать, зимой помирать охота. Но я доволен: появляется самостоятельный участок работы, быт не смущает — я не женат.

Но давила мысль о том, что эта работа не пойдет дальше макетирования. Подходил к концу 1961 год. И вдруг срочно вызывают в Москву. В КБ приехал Устинов с поручением для КБточмаш войти в состав предприятий военной отрасли, которым предстоит

развивать новое направление в науке и технике, — лазеры. Мне приказано ехать в Ленинград в Государственный оптический институт им. Вавилова, где построили первый в СССР лазер на рубине. Надо было воспроизвести лазер на собственной производственной базе.

Нас было трое, кому Нудельман сказал, что теперь мы работаем по лазерному направлению. Но не было ни площадей, ни рабочих мест, ни материальной базы, ни знакомств во внешнем мире. Нудельман взял на себя функции лидера, и через месяц мы сидели в большом помещении, начали трудиться около 30-ти сотрудников КБточмаш. Нужна была лаборатория с десятком однотипных исследовательских стендов, в основу которых был положен лазер с активным элементом из искусственно выращенного кристалла рубина. Нужны были молодые специалисты.

Постепенно наши знания о возможном воздействии лазерного излучения на оптико-электронную аппаратуру потенциального противника росли. Но Нудельман понимал, что во всей подготовительной работе не хватает «золотого ключика», который позволит КБточмаш сделать рывок по созданию прототипа высокоэнергетического лазера. Нужно было найти идею эффективного и одновременно реалистичного применения такого прототипа. Наука и промышленность не стоит на месте, но специализированные подразделения на предприятиях, новые лаборатории и институты, необходимые производства на опытных и серийных заводах создаются не сразу. А стоять на месте нельзя, все сгниет на корню.

Я в эти дни читал американский оптический журнал и обратил внимание на заметку о том, что в астрономической обсерватории в США готовится эксперимент по подсветке участка лунной поверхности и приему на Земле отраженного от Луны сигнала. Сейчас это направление называется «космическая лазерная светолокация». Мне это показалось интересным. Расчеты показывали, что для реализации эксперимента потребуется лазер приблизительно в сто раз мощнее, чем тот, который я впервые увидел в Ленинграде. Нужно найти в СССР астрономический телескоп, пригодный для проведения эксперимента, научиться с помощью астрономов рассчитывать расстояние от телескопа до облучаемого места лунной поверхности. По мнению Нудельмана, я уловил нужный момент. Прошел год, и в Астрономическом циркуляре, издаваемом Бюро Астрономических сообщений Академии Наук СССР, появилось сообщение: *«...с 8-го по 13 сентября 1963 года на Южной станции Государственного Астрономического института имени Штернберга с использованием 1,25 м телескопа был произведен эксперимент по светолокации Луны с применением оптического квантового генератора на рубине. <...>В результате эксперимента приняты отраженные от Луны световые сигналы, по величине близкие к расчетным».*

Мы чувствовали себя победителями. Мне было 26 лет, и это было первое заметное дело, в котором я участвовал. Но, взявшись за светолокацию Луны, мы влезли в «чужой огород». Пахать на этом «огороде» имел законное право Институт физики АН СССР, во главе которого стоял академик Николай Басов, лауреат Нобелевской премии (совместно с академиком Прохоровым) за открытие лазера. Узнав о дерзком, с его точки зрения, поступке Нудельмана, Басов нашел в Правительстве страны понимание и получил разрешение на одновременный с КБточмаш эксперимент с соседнего телескопа. Для нашей организации проведение эксперимента по светолокации Луны было разовым «кавалерийским наскоком», а для коллектива физиков института Басова — частью серьезной многолетней работы.

Чем это закончилось лично для меня? Я уверовал, что смогу подготовить кандидатскую диссертацию по военному применению лазеров.

pastvu.

Выявилось два направления в гражданском применении лазеров: создание сварочных аппаратов на базе лазера и лазерного офтальмокоагулятора для лечения заднего отдела глаза (отслоения сетчатки). В СССР еще не практиковалось широкое использование оборонных предприятий для разработки и выпуска гражданской продукции. Но правительство разрешило Нудельману заняться этими «мирными» направлениями, не прекращая, конечно, исследования возможностей военного применения лазеров.

К 1964 году мы изготовили стенды для отработки технологии сварки металлов и начали исследования по лечению глаз у животных (на кроликах и обезьянах). Устинов счел целесообразным подготовить выставку этих достижений и пригласить на нее Никиту Хрущева. Подготовка выставки оказалась делом затяжным и муторным. Много политиканства — чьи стенды показать первыми, сколько площади отвести под экспозицию, что следует говорить. Основной обход должен проводить Устинов, у каждого стенда произносятся буквально по паре фраз, от нашего КБ оставили меня одного.

По сценарию я должен стоять у стены, а после слов Устинова «Мы подошли к стендам Александра Эммануиловича Нудельмана», надо сделать два шага вперед, чтобы оказаться перед стендами. Первым шел Устинов, следом — Никита Сергеевич. Широко улыбаясь, Хрущев подошел ко мне вплотную, протянул руку и громко сказал: «Здравствуйте, Александр Эммануилович!» Без дрожи в голосе я ответил: «Здравствуйте, Никита Сергеевич». Повернулся к стенду, включил питание, сварил две полоски металла. Хрущев положил их в карман и после пояснений Устинова двинулся дальше. На меня буквально наехала двухметровая фигура начальника охраны, и со словами «Молодец, молодец» он вручил мне конверт с деньгами. Думаю, я их заслужил.

КБточмаш запустило на одном из подшефных заводов в серийное производство три технологических сварочных установки разного энергетического уровня. Их внедрение проходило безболезненно. Установка СУ-1 экспонировалась на Лейпцигской ярмарке, лазерные технологические установки большой мощности УЛ-2 и УЛ-20 — на выставках в Монреале, Будапеште, Риме, Лондоне.

С лазерным офтальмокоагулятором вышло следующее. С его помощью можно было лечить отслоение сетчатки глаза. Лазерный импульс, проникая в глаз через зрачок, фокусировался на отслоившейся части сетчатки и точно приваривал его к нижележащим тканям. Боязнь навредить человеку останавливала многих врачей от участия в совместной работе с КБточмаш.

Согласие дал Одесский институт глазных болезней имени Филатова. Было проведено множество экспериментальных работ на кроликах и обезьянах. Набрал солидный опыт, убедившись в высокой надежности метода и безопасности лазерного излучения для пациентов, врачи начали клиническую практику. Наладилось серийное производство

лазерных офтальмокоагуляторов. КБточмаш внедрило в серийное производство две модификации установок ОК-1 и ОК-2.

Приобретенный опыт был бесценен. Теперь можно было начинать опытно-конструкторскую работу по заказу Министерства обороны СССР. Учитывая специфику информации, я ограничусь ссылкой на публикацию издаваемого в России военно-технического сборника (ВТС) «Бастион». В одном из выпусков сборника сообщалось, что в 1980-х годах в КБ Нудельмана был разработан переносной лазерный прибор оптико-электронного противодействия. Он демонстрировался на международном салоне МВМС-2003 в Санкт-Петербурге, других выставках вооружения.

Государство оценило работы, проведенные КБточмаш по лазерному направлению. Орденами, медалями и двумя Государственными премиями СССР была награждена большая группа сотрудников.

Как оценить достижения КБточмаш, достигнутые в 60-80-е годы, с точки зрения сегодняшнего дня? Могу дать качественную оценку на основании публикуемой информации и опыта моего сына, работающего в одной из крупных фирм США, специализирующейся на разработке и производстве технологических лазеров. Наука и техника в этом направлении ушли далеко вперед. Современные лазеры стали неизмеримо совершеннее. Поэтому все рассказанное мною имеет смысл только с точки зрения истории развития науки и техники.

cdn1.share.slickpic.com

«Я думал, прощаемся навсегда»

- Мы с супругой уезжали в США последними в семье в 1998 году. В течение восьми лет покинули страну сын, семьи племянниц, моя сестра Алла. К моменту отъезда никаких волнений уже не было — мы свыклись с мыслью об эмиграции, знали, как живут в США наши родственники. Им было нелегко, но никаких катастроф не произошло, дела двигались в лучшую сторону.

Самый трудный момент преодоления был, когда я собственными руками выталкивал сына в эмиграцию в Израиль. Это было в конце 1980-х. Работая в КБ точного машиностроения по тематике высшей степени секретности, я не мог рассчитывать на продолжение карьеры, если мой сын уедет из страны. Я должен был подыскать для себя новое поприще и уволиться по собственному желанию.

Спустя время я получил предложение от знаменитой немецкой фирмы «Цейс» занять должность заместителя директора создаваемой в СССР службы сервисного обслуживания и ремонта выпускаемого ими метрологического оборудования. Звучит красиво, но деньги надо зарабатывать самостоятельно — немцы кормить нас не собирались. Эти «акулы капитализма» уверяли, что в 80-ти государствах они создали такие структуры и с голоду никто не умер, значит, и у нас получится. Надо было решаться положить заявление об увольнении на стол руководителя КБТМ. Чем больше раздумывал, тем сильнее и с перерывами билось сердце. Кончилось сердечным приступом и койкой в институте Склифосовского. Отлежавшись, я все-таки собрал волю в кулак и ушел с работы. Для сына дорога в Израиль была открыта, а для меня начался этап освоения абсолютно незнакомого дела. Со временем в филиале «Цейс» мы обслуживали не только СССР, но и страны Восточной Европы, помогали немцам на сборке оборудования в Германии.

После увольнения из КБТМ я сразу занялся оформлением заграничного паспорта, но мне отказывали. Когда сын уехал в Израиль в 1991 году, пришло очередное письмо из ОВИРа о том, что мне разрешено будет покинуть страну только по истечении 15-летнего срока увольнения из КБ...

Никогда не забуду своего состояния перед отходом поезда на Вену с Киевского вокзала. Сын — у окна уходящего вагона, мы с женой — на перроне...

Я думал, прощаемся навсегда. Но, к счастью, ошибся. Сын еще только поступил в Иерусалиме в аспирантуру, не получил ни одной стипендии, а мама упала ему на голову. Вернулась через месяц сияющая: сын живой, видела, где он спит, знает, что он ест. Держала за рукав его научного руководителя.

Первая волна страха прошла. Я боролся уже не с ОВИРОм, а с Межведомственной комиссией, которая рассматривала обращения граждан России, получивших отказ в выдаче заграничного паспорта. Год за годом мне отказывали. После окончания очередного заседания председатель комиссии сказал мне: «Не кипятись и больше не пиши, через год получишь разрешение на выезд». Обещание он сдержал.

Путешествие как величайшее благо

- Как складывалась моя жизнь в Америке? Я мог бы ответить одним словом: хорошо. И это не шутка, а вполне осознанное восприятие жизни с учетом особенностей моего характера.

Уехать в другую страну в возрасте 60 лет и мечтать о профессиональной службе — значит, не ориентироваться в реальном положении вещей. Нам с супругой хотелось провести остаток жизни среди семьи и получить радость от воспитания внуков. Сын не заставил долго ждать. Он закончил учебу, нашел работу в Америке. Женился на бывшей москвичке, у них, к нашей радости, родились две девочки и мальчик. Дети купили себе дом в Нью-Джерси и перетащили нас жить поблизости. Затем сын получил повышение по службе, переехал в другой штат, и мы снова поехали вслед за ним. Зато наши внуки говорят по-русски и едят бабушкин борщ. Мы гордимся тем, что за прошедшие 20 лет наша невестка ни одного дня не пропустила на работе по болезни детей. Мы всегда были рядом в состоянии боевой готовности.

Я думаю, что многие со мной согласятся: провести остаток жизни в путешествиях — величайшее благо. А можно ли совместить туризм с материальной выгодой? Оказывается, можно. Нью-Йорк — самый большой магнит США по притяжению эмигрантов и туристов из бывшего СССР. Мы купили машину и начали путешествовать по проложенным туристическими компаниями маршрутам. Я изучал достопримечательности, трассы

движения, жена записывала все увиденное на листочках. Дома мы в четыре руки переводили специальную литературу.

Через полгода я немного набрался знаний, познакомился с хозяевами русскоязычного туристического бизнеса и решил предложить свои услуги по экскурсиям в Нью-Йорке. Со временем география поездок расширилась: на юг — в Нью-Орлеан, на север — на Аляску, на юг — во Флориду. Я хорошо знал около ста маршрутов по стране.

Затем я стал сопровождать — опять же по своим маршрутам — путешествующих по Европе, Азии, Канаде. Супруга часто сопровождала меня. Я настолько увлекся, что не заметил, как мне исполнилось 82 года. Прекратил я ездить не потому, что пришел возраст — я еще довольно бодро шагал впереди группы туристов и не видел себя со стороны. Эпидемия коронавируса ликвидировала сами понятия: экскурсия, путешествия, туризм. Поневоле пришлось поставить точку в своей деятельности.

На Брайтон-Бич

- Нью-Йорк — город с самым многочисленным еврейским населением в мире. Из более чем миллиона жителей еврейского происхождения половина — потомки волн эмиграции конца XIX века и первой половины XX века. Их более или менее скрепляют вера и синагога. Приехавшие в Америку бывшие советские евреи в значительной степени расплылись по стране, но около 600 тысяч сконцентрировались в Нью-Йорке и ближайших пригородах. Из них около 200 тысяч достаточно кучно живут в районе под названием Бруклин, в южной оконечности этого района, центральной улицей которого является Брайтон-Бич авеню.

Специфика Брайтона в том, что здесь прекрасная возможность для приехавшей молодежи выучиться языку, набраться опыта и разбегаться в поисках счастья по всей этой огромной стране, оставив родителей в Нью-Йорке, в великолепно подготовленном месте для проживания людей пенсионного возраста. Конечно, некоторые эмигранты прирастают к Брайтону, находят постоянную работу в обслуживании этого сообщества. Поэтому жилищный фонд, офисные помещения постоянно обновляются. Район хорошеет, становится чище.

За последнее десятилетие приток эмиграции из бывших территорий СССР идет уже за счет нееврейского населения. Статистика говорит, что сейчас на Брайтоне проживает 20 процентов славян, появились православные церкви.

В социальной жизни этого района много интересного. Общественные организации на конкурсных началах получают гранты из бюджета Бруклина. Некоторые коммерческие организации получают субсидии из местного, штатского или государственного бюджета. Для людей пенсионного возраста с малым уровнем дохода повсеместно функционируют так называемые «садики». Доставка туда обеспечивается прикрепленными микроавтобусами. В «садиках» организовано бесплатное питание, работают сотрудники для организации досуга. Желающие могут проводить здесь целый день. Расходы несет государство.

В течение длительного времени я помогал в работе общественной организации «Братство инвалидов Брайтона». Был период, когда в этой организации состояло более пяти тысяч человек. В основном в ней занимаются решением социальных, медицинских и образовательных проблем. У общества есть своя газета, оно организует выезды на бесплатные концерты, в театры. Моим делом было проведение экскурсий.

Местная гильдия художников устраивает в районных библиотеках Брайтона коллективные выставки, проводит аукционы, персональные выставки. Поверьте мне,

художественные страсти там кипят, как на крупных выставках профессиональных художников.

Еще один пример у меня на памяти связан со спортом – с созданием команды тяжелоатлетов 65+ и ее участие в соревнованиях вплоть до всеамериканского и паралимпийского уровня. Членом команды был и мой московский друг. Начав выступать в 70-летнем возрасте, он за 10 лет заработал в своей возрастной группе и весовой категории девять золотых медалей, а на паралимпийских играх в Австралии удостоился серебряной медали.

Действует на Брайтоне и патриотическая организация участников Второй мировой войны. На берегу океана они проводят парады в день Победы.

Большим событием на Брайтоне стало открытие театра, который начал регулярный прием гастролеров из России и Украины. Зал в театре на 1000 мест всегда переполнен.

И все же не хочется идеализировать жизнь на Брайтоне. Для многих она скучноватая, ведь в какой-то степени – это искусственное образование для проживания в основном пожилых людей, и в большей степени – женского пола. Скрашивает время кабельное русскоязычное телевидение.

По всему видно, что пик расцвета русскоязычного района с еврейским населением на Брайтоне пройден. В истории Нью-Йорка уже есть один исчезнувший район еврейской эмиграции начала XX века – Нижний Ист-Сайд Манхэттена, прекрасно показанный в широко известном фильме «Однажды в Америке». Но лучше не претендовать на роль пророка: поживем – увидим.

Автор: **Татьяна Брехова**